

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 44 (1155)

Суббота, 20 октября 1945 г.

Цена 45 коп.

1 стр. Выдвижение кандидатов в Центральную избирательную комиссию по выборам в Верховный Совет СССР. По Советской стране. Обсуждение журнала «Звезда». Памятник И. А. Крылову в Калининне. У писателей североморцев. Литературный фонд Райниса. 1100-летие «Манаса». Савва Головановский. Синеокая Леся (стихи).

циферов. Маленькие монографии. Н. Прянишников. Знаете ли вы... Леонид Гроссман. Искусство литературоведа. 3 стр. В. Перцов. Сергей Есенин. Н. Михайлов. Суть вещей. Л. Субоцкий. Победа воли. 4 стр. И. Крути «Непокоренные» на экране П. Ан-токольский. Будущие книги. М. Живов. В поисках новых путей. Информация. В ССП СССР. Праздник летской книги. Новые книги. В несколько строк.

СЛОВО НА ЭСТРАДЕ

Ветхине нашей страны в период многолетия открывает перед советским искусством всех жанров новые широчайшие перспективы.

Новые творческие задачи стоят и перед искусством эстрады. Эстрадное искусство не пренебрежет ни многосторонних художественных коллективов, ни сложного сценического оформления. Это придает ему ту подвижность и оперативность, которые позволили советской эстраде сыграть столь значительную роль в художественном обслуживании Красной Армии и Военно-Морского Флота в годы Великой Отечественной войны.

Эстрадное искусство включает в себя и художественное чтение, и музыку, и вокал, и танец, — оно пользуется всеми видами сценического мастерства для художественно-эмоционального воздействия на зрителя и слушателя. Все это делает искусство эстрады и наиболее доступным для приобщения сил и талантов участников художественной самодеятельности.

Однако наше эстрадное искусство еще далеко не отвечает тем задачам, которые мы вправе перед ним ставить. Советская эстрада располагает значительными кадрами талантливых, высококвалифицированных исполнителей всех жанров, и многие эстрадные артисты пользуются заслуженной популярностью и любовью народа. Идейная направленность, политическая злободневность, художественная ценность эстрадного зрелища во многом определяются качеством литературного материала: без литературы малых форм нет искусства малых форм, нет эстрады.

Вместе с тем искусство эстрады имеет свои особые законы, которыми нельзя пренебрегать при отборе литературного материала для исполнения с эстрады. Лакомный скатал характеристика образов, центрированная мысль, облеченная в форму «ударной» реплики или острей репризы, текст конференции, который помогает «ведущему» программу стать веселым, остроумным, но не навязчивым спутником и собеседником зрителя, — все это специфические черты той «малой» литературы, которая может придать эстраде содержательность и значимость большого искусства.

Во время войны наши поэтики и поэты дали эстраде немало хороших стихов, песен, рассказов, которые с успехом исполнялись и на фронте и в тылу страны и заметно обогатили эстрадный репертуар. Но собственно эстрадные жанры — от репризы и конференции до фелетона и одноактных пьес — не привлекают к себе должного внимания талантливых писателей и остаются нераздельной вочленной малокачественной частью, случайных авторов, которые часто сводят свое эстрадное творчество к выжириванию хлещу.

Пренебрежение к специфическим требованиям эстрадных жанров проявляется подчас и со стороны организаций, призванных заботиться о расширении репертуара профессиональной эстрады и художественной самодеятельности. Это сказывается, например, в содержании эстрадных сборников, выпускаемых издательством «Искусство». В 1945 году вышло несколько неплохих сборников — «Здравствуй, граница», «Славься», «Доббас», «Героним», «Путь к победе», «Свет победы» и т. д. Почти все напечатанные в них стихи и рассказы затрагивают важные политические темы. Это добрачественные произведения известных поэтов и беллетристов. Но в большинстве случаев это произведения, уже печатавшиеся в газетах и журналах и написанные вовсе не для исполнения с эстрады. Эстрадные чтения из этих произведений для обновления своего репертуара, по при медленных издательских темпах есть все основания предполагать, что они имели возможность это сделать, но дожидаясь выпуска сборников, и оставались свое внимание на этих произведениях тогда, когда они впервые появились в печати. Жаль, что составители сборников не прилагают необходимых усилий для привлечения новых авторов и для создания новых произведений, специально предназначенных для исполнения с эстрады.

Броме того, ведь художественное чтение — это только один из жанров эстрадного искусства. Помимо мастеров художественного слова на эстраде есть еще юмористы, сатирики, куплетисты, актеры, исполняющие сценки и миниатюры. Они чрезвычайно нуждаются в хорошем литературном материале, но напросно стали бы они искать в эстрадных сборниках произведения, соответствующие этим жанрам. Составители сборников забыли о них.

Между артистами эстрады и авторами существует давний спор о том, должен ли редактор рассчитывать на определенный актер, учитывать его индивидуальную манеру исполнения и т. д., наоборот, артист эстрады должен искать стили сценического воплощения, соответствующий авторскому замыслу. Этот спор в значительной степени бесплоден, ибо обе стороны в нем правы. Артисты эстрады всегда охотно исполняют яркий, образный, остроумный текст, если даже он создается без определенного, заранее намеченного «адреса» в лице того или иного эстрадного исполнителя. С другой стороны, ориентация автора на определенную актерскую индивидуальность учитывает специфические актерские данные предлагаемого исполнителя и может лишь содействовать успеху создаваемого репертуара.

Но беда в том, что среди наших профессиональных эстрадных, да и в концертных организациях, часто больше всего ценится талант автора, которые ремесленно приписываются к актеру, к его устающим приемам. Такого автора учитывать особенности актерской индивидуальности лишь в том смысле, чтобы все готовые штампы, уже давно «отработанные» исполнителем, изблженными им стрелы словечки и образы, ставшие бесцельно действующими в новом номере. Это, конечно, путь наименьшего сопротивления; такая литературная «помощь» не повышает художественных достоинств эстрадного репертуара, а тормозит его обновление.

Новые жанры, новый стиль эстрадного искусства могут родиться и процветать только в том случае, если содружество писателей и актеров эстрады станет повседневным. Воплощение в искусстве эстрады новых тем нашей современности требует, чтобы слово, замыслу, литературному сценарию эстрадного номера придавалось первостепенное значение.

Между тем, репертуар для эстрады до сих пор часто создается кустарными методами. Постоянную подготовку творческую связь между литераторами и артистами эстрады мы осуществляем эстрадных театров. Он являлся бы и организующим центром, и экспериментальной площадкой.

Существовавший в Москве единственный театр эстрады и миниатюр почему-то решительно отпел от эстрадного искусства. Несколько лет назад он изменил свое название и стал именоваться «Театром миниатюр», а за последние два сезона он перебрел и миниатюры, поставив за это время лишь две трехактные комедии — «Едет в Москву» и «Чужое дело» (кстати, весьма сложное и принадлежащее типу актера).

Отсутствие стационарного эстрадного театра с устойчивым художественным коллективом, с постоянным режиссерским руководством немало тормозит работу литераторов в области эстрадных жанров.

Советские писатели имеют широкую возможность обогатить искусство эстрады новыми, злободневными произведениями. Мы должны приложить все усилия к тому, чтобы с нашей эстрады звучало полноценное художественное слово — будь то задушевная лирическая песня, живая бичующий сатирический фелетон или искрящийся юмором веселый куплет.

Из года в год растет и множится слава нашей родины, как страны передовой мысли и новой социалистической культуры. Этому славу должно достойно поддержать и искусство эстрады — боввое, яркое, целеустремленное.

Савва ГОЛОВАНОВСКИЙ

Синеокая Леся

Леся Украинке

— Куда, в какие города и веси, Спешихи ты, девица? — Иду людей живых... — Ох, девица, не близко путь до них... А как зовут тебя родные? — Леся. — А кто ж они — твои отец и мать? — Поки, живут согласно и богато, поди, у них своя и хата, и двор подстать. — Отец и мать? Да право — кто ж они? — Меня весна в долине породила и в теплые безоблачные дни, взяв за руку, она меня водила на дальний дуг, к той вербе одинокой, распусленной ударом грома, водою прозрачною в степи широкой меня поила утроем... И, как дым, качалась марева — близки и сини — и все шептал чуть слышно, как во сне, свои веселки ласковые мне тот ветерок, что выхрился в долине... Казалось мне — он был отцом моим. В глаза посмотрит и шепнет: — Лети!

И в эту синеву, весной согрета несильно я паву, как тушка эта, паву, леу, куда хощу, где в дальней дали горит заря, в ночной печали лежат поля.

Ой, тату мой, неси меня быстрее! — Пустое поле мне казалось домом, был темный лес усадебно мой, и древний дуб — он был моим знакомым. И верба, что сверекала от росы, та самая, распусленная громом, томилась в зависти к моим хорам и не прошла пышной их красы.

Я в них лесной царевкой зарева. Минуту день, а мне — и горя мало: дить хватит всем — к чему жалко, беречь? Прольет дождь? — Так мне еще милее: молот лесе вздохнет еще вольнее, и словоношу шуну сбросит с паче поля, дуга, трава моя густая; еще звучней гостей пернатых стаи начнет свою гостеприимную речь.

Была я всех вольнее и счастливей. Но как то раз, лишь прекратился лисень, я на атае дучкою нашла — прапаролово, видно... Заиграла. И я такую песню услышала! — то, видно, спелки осени были...

И было в песне столько боли жгучей, казался в ней почилился слова! Казалось — меня та песня учил, что буря и в безмолвии жила.

И синь полей мне стала вдруг немилая, нежданная тревога ожила — листово веро она заговорила, приоблас ролниками, потекла; с полей, с дугов гнала меня, томгла. И я спешила, — я куда-то шла...

И всякий раз, лишь дужка прикасалась к моим губам, к моим устам сухим, как та тревога снова просыпалась и тот призы звучал, неукротим.

О, звуки песни — чистые, живые! — Они все днуш подавали до дня... Я мую песню попяла впервые, той горькой песни, что лишает сна, той, что певца вводит за собою, той, что ему покоя не дает, пока он сам дорогою прямо разбуженных от сна не поведет.

Что знала я? — Свою лишь только волю, полет в саду весеннем мотыльком да шибет пташки над зеленым полем, да в ясном небе стаи облаков...

Глазами звезда душа моя пылает, людская боль привиделась мне, и сердце вновь рожденное змызает и к людям устремляется в огне, чтоб их утешит, обновит им душу и облегчит их тяжкую беду...

Мне в путь пора. Я слова не нарушу. Я тороплюсь. Я к ним теперь иду.

Перевел с украинского М. ИСАКОВСКИЙ.

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

ОБСУЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА»

На последнем заседании правления Ленинградской области Союза советских писателей обсуждался журнал «Звезда». С информационным сообщением выступил В. Саянов (ред., редактор журнала). В. Саянов полагает, что «Звезда» еще не вернула себе былого признания читателей, потому что журнал не почувствовал того, что глубоко интересует и волнует советского читателя.

В 1945 году «Звезда», по выражению В. Саянова, больше напоминает «Библиотеку исторических романов», а не журнал, выходящий в год замечательнейших событий. Даже в критическом отделе журнала много историко-литературных работ и очень мало — о современной литературе. Современная тематика занимает в «Звезде» слишком скромное место, к тому же идейно-художественный уровень многих произведений на тематическую современности не всегда достаточно высок.

Темой выступлений многих участников прений была статья Г. Броммана «Ленинградская тема в журнале «Звезда», напечатанная в «Литературной газете» (№ 38). Полемизируя с Г. Бромманом, Н. Никитин считает, что автор статьи ограничил себя рассмотрением одних только произведений о Ленинграде, дающих неправильное представление о «Звезде», как периферийном журнале; о всех прочих романах, повестях, рассказах Г. Бромман не обмолвился ни словом.

Иной точки зрения придерживается В. Лянчик. «Ленинградская тема», — говорит он, — это не узкая «местная тема», а огромная тема о стойкости и воле советского человека. Можно спорить с отдельными оценками Г. Броммана, но факт остается фактом: «Звезде» не удалось ни одного произведения, в котором был бы показан обыкновенный человек, человек ядровой профессии, выдержавший на себе основную тяжесть борьбы.

М. Зошенко в своем выступлении подверг резкой критике ряд произведений, опубликованных в «Звезде», в частности повесть Г. Гора «Дом на Моховой». А. Прокофьев напомнил о требованиях, которые были предъявлены советской литературе товарищем А. А. Ждановым на Первом съезде советских писателей.

«В творчестве писателей-ленинградцев», — подчеркнул А. Прокофьев, — еще не показан с должным художественным мастерством и убедительностью основной герой нашего времени — советский человек, победивший врагов своей родины. В прениях выступили также т. М. Слонимский, Г. Гор, Н. Григорьев, Л. Раханов и Т. Кожемякин.

В решении правления, принятом на заседании, отмечены серьезные недостатки в работе журнала «Звезда»: отсутствие значительных прозаических произведений на главные темы современности, недостаточный идейно-художественный уровень многих опубликованных в журнале произведений. В решении указано также, что тема революционной истории советского народа, в частности, питерского пролетариата, совершенно не отражена в журнале. Требуется серьезнейшей перестройки отдел критики, и, наконец, необходимо улучшить качество редакционной обработки материала.

ПАМЯТНИК И. А. КРЫЛОВУ В КАЛИНИНЕ

КАЛИНИН. (От наш. корр.) Великий русский баснописец И. А. Крылов провел детские годы в Твери. С пребыванием в Твери связана также целая полоса его творческой работы. По решению Совнаркома Союза ССР, в связи со 100-летием со дня смерти поэта, в г. Калинин (Тверь) со дня утверждения памятника. Горьким принята проект памятника, разработанный скульптором Д. Горьким.

Памятник будет воздвигнут в сквере, соединяющем Центральный и Октябрьский районы города.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ИВАНОВОЙ ОБЛАСТИ

ИВАНОВО. (ТАСС). Академия наук СССР в 1936 году начала составление атласа диалектов русского языка. В атласе будут нанесены границы распространения отдельных языковых явлений — лексических, синтаксических, морфологических и фонетических. К собранию материалов привлечены многие университеты и педагогические институты страны.

В Ивановской области недавно закончила свою работу диалектологическая экспедиция, организованная кафедрой русского языка областного пединститута. Участники экспедиции — студенты факультета литературы и языка — изучили народные говоры большинства населенных пунктов Юрьево-Калининского района. В селах Ковраковка, Соболевка и других удалось найти своеобразные и интересные языковые явления, например, распространение мягких «ж» и «ш». Это явление встречается также в других частях русского языка, несущаяся в подавляющем большинстве русских говоров.

ПОСЛЕ БОЕВОГО ПОХОДА

ХАБАРОВСКИЙ. (От наш. корр.) В дни войны с Японией хабаровские писатели Ю. Шейнакова, А. Гай, П. Коромов, Н. Задорнов работали военными корреспондентами в различных частях Дальневосточного фронта. Д. Нагинкин принимал участие в Сунгарийском походе кораблей Дальневосточной Амурской флотилии. Писатели А. Грачев, С. Смоляков, С. Феоктистов, Н. Роголь, В. Ажаев находились в действующих и пограничных частях.

Встречи с героями боев, поездки по горам и седлам Маньчжурии и восточных провинций Китая обогатили писателей впечатлениями. П. Коромов подготовил к печати книгу стихов «Маньчжурские тетради». Роголь о пограничниках пишет П. Роголь. В. Ажаев готовит очерки о нашей авиации. Сборник путевых очерков «Сунгарийские записки» закончил Д. Нагинкин. Сейчас он работает над книгой о笔记 о Маньчжурии «Заход солдата». Н. Задорнов готовит к печати книгу очерков.

ПЬЕСЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ДРАМАТУРГОВ

БАКУ. (От наш. корр.) Государственный драматический театр имени Азербайкова начал сезон постановкой новой пьесы С. Медета Вургуня «Исана». Это пьеса о мужестве и патриотизме советских людей. Театр готовится к постановке комедии Сабита Рухмана «Аншары», а также пьесы старейшего азербайджанского беллетриста и драматурга Абдулы Шапка «Нубах». Бакский театр юных зрителей показал на Всесоюзном смотре ТЮЗов несколько хороших пьес и среди них пьесу драматурга Ласова «Мелик Мамед», которая переводится сейчас на русский язык.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД РАЙНИСА

Литературный фонд Райниса основан осенью 1940 года, в том, когда указом Президиума Верховного Совета Латвийской ССР Райнису было посмертно присвоено звание народного поэта республики. Все рукописи Райниса, напечатанные и неопубликованные труды, материалы, относящиеся к жизни и деятельности поэта, были объявлены достоянием народа. Работу литературного фонда Райниса прервала война. Во время немецкой оккупации часть имущества фонда была разграблена. Новые разработки литературного наследия поэта возобновились. Подборка: освещение получили следующие вопросы: развитие литературного творчества Райниса; Райнис в заключение и в ссылке; борьба Райниса с немецкими баронами. Готовится к печати двухтомный избранных произведений Райниса, куда войдут стихи из книги «Дальние отзвуки вечеря», «Посевы бури», «Тихая книга», некоторые драмы. Ведется подготовка работы к выпуску в 1946 году первых томов академического издания Райниса, которое предполагается закончить в течение ближайших лет.

МОЛОДЫЕ ПИСАТЕЛИ УЗБЕКИСТАНА

Недавно ЦК комсомола Узбекистана провел совещание о работе с молодыми писателями. На совещании присутствовали узбекские и русские писатели, партийные и комсомольские работники, журналисты и студенты. Секретарь Союза писателей Узбекистана Т. Шарипов отметил, что узбекская литературная молодежь мало учится. В Узбекистане имеются писатели, уже выпустившие свои книги, но все еще мало знакомые не только с русской и западноевропейской классической литературой, но даже с родной, узбекской.

В прениях выступали тт. Шукрат, Хамид Гулям, Мирмухамед, Тураб Тула и др. Они говорили о необходимости возобновить работу творческого семинара при Союзе писателей, обсуждать все вышедшие книги, организовать переводы лучших произведений молодых узбекских писателей на русский язык.

СКАЗАНИЯ ТАДЖИКОВ

Большой сборник сказаний о Мушфики выпускает Госиздат Таджикистана. Мушфика — остроумный, всегда веселый, застенчивый хитрый герой. Он участник многих потешных историй, в них всматриваются читатели. В сборнике много рассказов о жизни и подвигах, оживленные быт, гущи, занимательные отвлеченные поэты — санюники эмира. Кроме того, в сборник войдут рассказы и таджикские варианты похорождений Ходжа Насреддина, а также лучшие образчики фольклора Таджикистана. Большую часть материалов до сих пор не опубликованных, собрал писатель Дехоти. Этнограф Клавдия Улуг-Заде перевела на русский язык и литературно обработала рассказы, которые иллюстрировал засл. деятель искусств А. Орлов. Редактор сборника — драматург и критик С. Улуг-Заде.

Помимо этого сборника, выходящего на русском языке, Дехоти подготовил значительно более расширенное издание на таджикском языке.

1100-ЛЕТНИЕ ЭПОСА «МАНАС»

В 1947 году киргизский народ отмечает 1100-летний юбилей своего героического эпоса «Манас», насчитывающего свыше миллиона стихов. Создан юбилейный комитет, возглавляемый председателем Совнаркома Киргизской ССР тов. Кулатовым. Киргизский филиал Академии наук СССР подготовил к изданию сборник статей и исследований по «Манасу». В сборник вошли работы докторов исторических наук А. Берлиша («Эпоха возникновения «Манаса»»), К. Рахматуллоева, проф. М. Аузова, У. Джамшитова и других. Подготавливается к изданию I том академического издания «Манаса» с русским подстрочным переводом и научными комментариями. На русский язык переводится центральный и древнейшая часть эпоса — «Великий поход». I том «Великого похода» в переводе С. Линкина, Л. Пеньковской и М. Тарловского выходит в Гослитиздате в 1946 году в оформлении художников Н. Петрова и Г. Костылева. С. Линкин заканчивает перевод второго тома.

У ПИСАТЕЛЕЙ СЕВЕРОМОРЦЕВ

АРХАНГЕЛЬСК. (От наш. корр.) При газете «Северная вахта» существует литературная группа, объединяющая десять молодых писателей-краснофлотцев. Руководит группой критик Артохов и писатель Ал. Миронов. Среди молодых писателей выделяется старшина I-й статьи тов. Филатов и старшие краснофлотцы Лубенев и Задуровский. Рассказ Задуровского «Самоволь» премирсов на литературном конкурсе.

Давно работает на севере писатель-краснофлотец Александр Миронов. За годы войны Архангельское областное издательство выпустило в свет несколько книг рассказов и стихов писателя. Осенью прошлого года Военмориздат выпустил отдельной книгой первую часть повести Ал. Миронова «Служу советскому народу» под названием «Кресты во льдах».

КНИЖНАЯ ТИПОГРАФИЯ В СОРТАВАЛЕ

Восстановлена книжная типография в г. Сортавале. Действуют линопрет, три плоскостные машины, две печатные машины американки, переплетное оборудование. Продолжается монтаж еще двух линопретов, печатной и фальцовочной машин. Из произведений художественной литературы в новой типографии печатаются в переводе на финский язык повести К. Симонен «Дни и ночи» и «Раудага» В. Васильерской, два сборника стихов Армас Зийки, сборник сказок Ремму — народной сказительницы из района Калевалы и другие.

КНИГА СТИХОВ С. ДРОЖЖИНА

КАЛИНИН. (От наш. корр.) Издательство газеты «Пролетарская правда» готовит к печати сборник стихов поэта-земляка С. Дрожжина. Книга выйдет к 15-й годовщине со дня смерти поэта. В нее войдут избранные стихи, среди них большое место занимают произведения послевоенного периода.

«ПОЭТЫ СОВЕТСКОГО УЗБЕКИСТАНА»

КИЕВ. (От наш. корр.) Издательство «Радянський письменник» выпускает сборник «Поэты Советского Узбекистана» в переводе на украинский Миколай Терешенко. В книгу вошли лучшие стихи, написанные узбекскими поэтами в годы Великой Отечественной войны. В сборнике представлены Ислам Шаир, Гафур Гулям, Айбек, Хамид Алмилджан, Максуд Шейдахед, Уйгул, Миртемир, Чуст, Сабир Абдулла, Хасан Пулат, Амин Умар, Тимур Фатах, Мамин Давров, Зульфийа, Хамид Гулям.

У СКАЗИТЕЛЬНИЦЫ Л. ЛЕСУН

МОЛОДЕЧНО. (От наш. корр.) Широко известна всему Кривчиному району сказительница Луиза Лесун (перезима Кривичи). К сказаниям и песням о партизанах [1912 год], о Кастусе Калинском Луиза Алексеевна прибавила еще новые повествования и сказки — богатый фонд Красной Армии, борющейся с немецкими угнетателями.

Недавно киржички праздновали 80-летие своей именитой землячки. К ней в гости приехали работники Академии наук Белоруссии и записали много новых сказаний и песен. У Луизы Алексеевны есть немало способных учениц.

Минувшим летом фольклорно-этнографические экспедиции Академии наук БССР и Белорусского государственного университета записали в сельских местностях сотни сказаний, сказок, песен, частушек и потешных. Наиболее характерные произведения народного творчества войдут в сборник: «Материалы по фольклору Отечественной войны».

КНИГИ ПЭЛИ ПУНУХА

АРХАНГЕЛЬСК. (От наш. корр.) В личной библиотеке Ненецкого национального округа и в чумах ковчежников можно найти книги писателя-северянина Пэли Пунуха — книги педагога по профессии. Его первая книга «Под вой пурги» — очерк из жизни шолькиников-неченцев на Новой Земле. Наиболее удачные книги Пэли Пунуха «Новоземельские будни», «Пять тысячелетий» и «Девочка Саломея» также посвящены школьникам Ненецкого округа и Новой Земли. Эти книги в свое время получили хорошую оценку А. М. Горького.

Областное издательство приняло к печати новую большую повесть Пэли Пунуха — «Злая любовь», в которой рассказывается о женских колхозницах в годы войны.

ОБСУЖДЕНИЕ РОМАНА «ЧАЙКА» НА ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

НОВОСИБИРСК. (От наш. корр.) Читательская библиотека имени К. Маркса устраивает для молодых читателей литературные «понедельники». Цель их — популяризация новинки художественной литературы. На последних «понедельниках» были прочитаны главы романа Н. Бирюкова «Чайка». Книга очень заинтересовала читателей. С романою ознакомилось более 150 человек. Библиотека организовала читательскую конференцию, в которой приняло участие более 100 человек. Присутствовали товарищи, лично знавшие Лизу Чайку, писатели, актеры, работники Центрального района ВЛКСМ, Райисполкома, преподаватели школ, рабочие и учащиеся молодежи.

ВЕЧЕР ПАВЛА БЕСПОЩАДНОГО

КИЕВ. (От наш. корр.) Недавно украинская общественность отметила 50-летие со дня рождения поэта Донбасса Павла Беспощадного. Он прошел интереснейший творческий путь — от рабочего-забойщика до популярного певца Донбасса. На днях в Киевском клубе писателей состоялся творческий вечер поэта.

Иван Ле, открывая вечер, отметил, что Павел Беспощадный неизменно воспевал родной край, который стал колыбелью великого стахановского движения.

В изложении о войне в Москве и в Киеве вышел сборник стихов П. Беспощадного «Каменистая книга». В ней стихи о старых шахтерах и советской молодежи, о торжестве смелой технической мысли, о старом быте и о новых поселках социалистического Донбасса с дворцами культуры, театрами, благоустроенными общежитиями. Эта книга — своеобразная поэтическая летопись края угля и металла.

После изгнания немцев из Донбасса поэт возвратился на родину. Он посвятил свои стихотворения героическим молодогвардейцам Краснодона, героям-восставшим шахтерам и заводцам, разрушенным немцами. Песни и стихи Павла Беспощадного широко бытуют в Донбассе.

На творческом вечере поэт прочел стихотворения, написанные в годы Великой Отечественной войны — фрагменты из поэмы «Олеги», «Синюю пташку», «Соловья», «Метель», «Дорогую черту» и др. И. Ле, В. Сосюра, Д. Голышев, П. Северов и другие положительно оценили деятельность П. Беспощадного. В заключение поэт поделился с присутствующими своими творческими планами.

ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКОВ ИНДИИ

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.) Институт востоковедения Академии наук СССР в Ленинграде проводит большую работу по изучению индийской литературы и языков. За последнее время издан ряд капитальных трудов. Выпущена грамматика индийских языков урду и хинди.

В феодальный период истории Индии на языке хинди была издана обширная литература. Этому вопросу посвящена специальная монография, написанная ряд В. Рашиновым. Ему же принадлежит ряд переводов художественной литературы, созданной на языке хинди.

Подготовлен к печати большой сборник по истории Индии, истории ее культуры, языков и ее современной жизни.

«ИЗБРАННЫЕ СТИХИ» МАХТУМ-КУЛИ

Поэтическое наследие классика туркменской литературы Махтум-Кули насчитывает около 18 тысяч строк. Махтум-Кули писал песни и газеллы, очень разнообразные по темам. На первом месте стоят песни героические. Поэт непрестанно призывал туркменский народ прекратить племенные раздоры и объединиться. Он воспевал в бою мужество и смелость, бичевал малодушие и трусость. Со стихами Махтум-Кули русский читатель впервые познакомился в переводе М. Тарловского (ГИХЛ, 1941 г.).

Нынче Гослитиздат подготовил к печати книгу стихов Махтум-Кули в переводе Г. Шенгелия. Переводчик работал непосредственно в Туркмении в тесном содружестве с местными литературоведами и поэтами. Это помогло ему правильно передать особенности, собственные стилям Махтум-Кули. Статья о творчестве Махтум-Кули написана Е. Бертельсом.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК В САЛЬЯНАХ

БАКУ. (От наш. корр.) В Баку работает кружок восточных языков и на прошлой неделе несколько литературных кружков. Недавно организовался также литературный кружок при сальянской районной газете «Социализм югу». На собраниях кружка разбираются произведения классиков азербайджанской литературы, современных писателей, а также работы членов кружка. Оживленно прошло обсуждение пьесы «Радянская весть» («Мишуглу») молодого драматурга Махмуда Аггаларова.

Выдвижение кандидатов в Центральную избирательную комиссию по выборам в Верховный Совет СССР

В соответствии с Конституцией Союза ССР и статьей 36 Положения о выборах в Верховный Совет СССР профессиональные организации рабочих и служащих, кооперативные организации, коммунистические партийные организации, организации молодежи, культурные, технические и научные общества и другие общественные организации и общества трудящихся, а также собрания рабочих и служащих по предприятиям, военно-службам по воинским частям, собрания крестьян по колхозам, селам и волостям, рабочих и служащих совхозов — по совхозам начали выдвижение своих кандидатов в состав Центральной избирательной комиссии. Эта комиссия, согласно Положению, должна быть утверждена Президиумом Верховного Совета СССР не позднее, чем за 5 дней до выборов.

Состоялось заседание Президиума ВЦИПС совместно с председателями Центральных комитетов профсоюзов. ВЦИПС единогласно решил выдвинуть кандидатом в состав Центральной избирательной комиссии председателя ВЦИПС тов. Кузнецова Василия Васильевича.

В сехах Магнитогорского металлургического комбината прошли собрания рабочих, посвященные предстоящей избирательной кампании. На собраниях домохозяйств было внесено предложение рекомендовать в состав Центральной избирательной комиссии кандидатуру знатного домохозяйки Алексея Леонтьевича Шатилина. Тов. Шатилина за доблестный труд в годы Отечественной войны, за отличное выполнение заданий Государственного Комитета Обороны был награжден двумя орденами Ленина. Кандидатура тов. Шатилина широко обсуждалась и в других сехах. Рабочие комбината единогласно выдвинули тов. Шатилина кандидатом в состав Центральной избирательной комиссии.

От Московской коммунистической организации кандидатом в состав Центральной избирательной комиссии выдвинул секретарь Московского областного и городского комитетов ВКП(б) тов. Попов Георгий Михайлович. От Ленинградского коммунистической организации — секретарь Ленинградского областного и горкома ВКП(б) тов. Кузнецов Алексей Александрович, от Кин-

станков. Тов. Шуванина награждена за доблестный труд орд

О „литературоведческом аристократизме“ и изучении советской литературы

«Надо договориться» — так назвал Б. Эйхенбаум свой ответ Г. Гуковскому. Но большого желания «договориться» автор не обнаружил. Наоборот, усердно и упрямо Г. Гуковскому во всех смертных грехах. Б. Эйхенбаум продемонстрировал нежелание выслушать в действительности проблемы литературной науки, услышать ее животрепещущие задачи.

В этой статье Б. Эйхенбаум рассуждает с позиций некоего «литературоведческого аристократизма». Да простит мне читатель это неуклюжее словосочетание — других слов не нахожу.

Да и как иначе можно назвать концепцию, которая столь решительно разделяет литературоведение на «труд» и «творчество», причем первое — это «коллективные работы по истории литературы и критике», нечто вроде продукта литературоведческого ремесла, а второе — «одиночные исследования, собственно научное творчество»? Первое — удам многих, второе — призвание избранных. В «труд» нет и не должно быть ни «особенной оригинальности», ни «чрезмерной новизны». Литературоведческие же творчество связано и с преодолением неожиданных трудностей, и с длительными размышлениями и поисками, и с ростом темы или ее изменением, и с рядом других процессов, неизбежно сопровождающих человека на пути научного творчества».

Все это написано для того, чтобы оправдать тезис: «сравнительно просто и легко планировать труд — гораздо труднее планировать творчество».

Оставим пока в стороне тонкости планирования и обратимся к существу вопроса.

Б. Эйхенбаум весьма нехотя характеризует коллективные работы по истории литературы. Это не новая точка зрения! Однако опыт излания ряда капитальных историй — литературы, философии, искусств — не подтверждает эти pessimистические мысли. Против него свидетельствует и «История русской литературы», издаваемая Академией наук.

Но Б. Эйхенбаум крайне строг не только в отношении коллективных трудов по истории литературы, он ожидает от них системы вообще к работам по истории литературы, предназначенным для педагогических целей. По мнению Б. Эйхенбаума, эти труды могут быть лишены особенной оригинальности и чрезмерной новизны. Создание этих трудов, по Б. Эйхенбауму, видимо протекает без «длительных размышлений», без «поисков», без «научного творчества», которое присуще научно-исследовательской работе. Не нужно обладать большой дальновидностью, чтобы заранее определить ценность таких работ. Но их то Б. Эйхенбаум как раз и предлагает планировать.

А литературоведческое творчество (с особенной оригинальностью и «чрезмерной новизной»), на которое бедные авторы вынуждены тратить труд, конечно, не планируются, планирование не поддается...

Вот какую замысловатую теорию придумал Б. Эйхенбаум для того, чтобы отмахнуться от тех требований, которые действительно выдвигает наше время перед литературной наукой и которые, хотя и не безупречно, пытались сформулировать Г. Гуковский. Для того, чтобы окончательно отделиться от требований современности, Б. Эйхенбаум восклицает: «Разве мы работали плохо и теперь нам нужно омыться и постыдиться? Нисколько!» Этот возглас не подкреплен ни одним фактом. Отнесем же к нему, как к риторической фигуре, появлению которой, впрочем, в статье весьма симптоматично.

«Литературоведческий аристократизм имеет еще одну черту, о которой обязательно нужно сказать. Речь идет о равнодушии к проблемам советской литературы и к ее современности и к ее современной критике. Такое отношение к вопросам изучения советской литературы со стороны академического литературоведения стало, к сожалению, традиционным. Достаточно взглянуть на то, что происходит на этом участке литературной науки, чтобы убедиться в том, сколь несостоятельны суждения Б. Эйхенбаума о работах по истории литературы».

Изучение русской литературы советского периода и литературы народов СССР, в

сущности, нигде не ведется. Диссертации на эти темы представляют собой уникальные явления. Кандидатов наук, специализирующихся по вопросам современной литературы, можно пересчитать по пальцам. Известна лишь одна докторская диссертация, посвященная советскому писателю (И. Векслер об А. Н. Толстом). Как это странно, но темы современной литературы не пользуются популярностью у молодых научных работников.

В известной мере это объясняется тем, что некоторые наши призывные литературоведы являются сторонниками своеобразной «дистанции внимательности». Они считают, что советская литература еще не созрела для того, чтобы стать объектом серьезного изучения. Три десятилетия нашей великой эпохи для них — срок недостаточный! Как будто Белинский не изучал литературу своего времени исторически. Краткие диссертации не мешали ему создать классические историко-литературные статьи о своих современниках. Но ссылки на Белинского мы делаем так часто, что, к сожалению, перестали уже отдавать себе отчет в их смысле.

Что же получилось в результате? Едкая история русской литературы, как правило, изучается раздельно, причем докторской литературе посвящаются все силы, а советской — почти не уделяется внимания. Для того, чтобы ликвидировать это неравномерное распределение, две кафедры — советской литературы и русской литературы Московского университета недавно слились воедино. Нет, однако, уверенности, что на этой новой кафедре изучение советской литературы займет достойное место.

Плохо обстоит дело изучения советской литературы в Институте мировой литературы имени Горького. Кто же не знает, что имеющийся там специальный отдел советской литературы (единственный центр ее изучения) влечет жалкое существование. Скоро десять лет, как был основан этот отдел, но пока он слывится лишь планами, о которых время от времени сообщается в печати, но которые, увы, никогда не выполняются. Недавно составлен новый пятилетний план научной работы отдела. Есть основания предполагать, что и его выполнение будет не лучше предыдущих.

Но это происходит не потому, что литературоведческая деятельность не поддается планированию, как думает Б. Эйхенбаум. Отнюдь нет! Дело просто в том, что Институт мировой литературы не смог стать действительно центром изучения советской литературы, и не в пример Пушкинскому институту, не подготавливая и не привлекая людей, занимающихся литературой современной эпохи, не создавая серьезной научной атмосферы с определенной дисциплиной исследовательского труда и заинтересованностью работников в его результате. Вот почему печально-значительны те истории советской литературы, над которыми институт работает со времени своего основания, еще не сдан в производство, и неизвестно, когда будет сдан... Достойно удивления эническое спокойствие, с которым отделение литературы и языка Академии наук и Союз советских писателей взирают на эту безрадостную картину.

В нынешнем году я присутствовал при экзаменах на аттестат зрелости в средней школе, и затем участвовал в Государственной экзаменационной комиссии Литературного института ССР. И в школе, и в институте брыжало в глаза одно и то же обстоятельство: выпускники знают русскую литературу советского периода на много хуже литературы прошлых времен. Присутствовавшие на экзаменах Н. Тихонов и Ф. Гладков видели, как студенты, окончившие Литературный институт, после живого и глубокого ответа на вопросы о литературе XIX века, совершенно теряли дар речи, когда вопрос касался писателей советской эпохи.

Это не удивительно. Ведь школа уже несколько лет не имеет учебника по советской литературе, а вузы вообще этого учебника никогда не имели. Нечего рекомендовать

студентам и взамен учебника. Можно ли в этих условиях столь равнодушно относиться к работе над книгами по истории литературы, как делает это Б. Эйхенбаум.

И если Г. Гуковский сетует на то, что студентам, педагогам, лекторам при изучении классиков приходится пользоваться Нестором Колдиревым и Овсянником-Куликовским, то чем же прикажете пользоваться при изучении Фурманова, Алексея Толстого, Серафимовича, Тренева, Багrickого? Пародийными статьями из «Литературной энциклопедии» или рецензиями из старых журналов? Ведь нет у нас ни критико-биографических очерков, ни даже просто биографических современных писателей. О монографиях и говорить нечего.

Такое положение вещей нетерпимо, и нужно сообразить над тем, как исправить дело. Мы не беремся предлагать панцею от всех бедствий или спасительные административные меры, которые таковы бы. Б. Эйхенбаум, но заметим, что организационный вопрос весьма важен. Нам кажется, что раньше всего нужно создать подлинный центр изучения советской литературы и собрать там всех, кто этим занимается. Будет ли этот центр в Институте мировой литературы им. Горького, в Союзе советских писателей или в Литературном институте ССР, — не предскажем. Но без такого центра дело не пойдет.

Изучению советской литературы нужно придать серьезный академический характер. Русская литература советской эпохи располагает высокими эстетическими ценностями, которые достойны пристального внимания исследователей и могут дать не только творческое удовлетворение. Некоторые думают так: о литературе XIX века должны писать ученые мужи, а современной литературой пусть займутся студенты и аспиранты высшей школы. Нужно ли говорить, сколь это несправедливо!

К изучению советской литературы следует решительно привлечь и историков литературы XIX века, тем более, что настала пора рассмотреть советскую литературу в плане общерусского литературного движения. Пока еще наши литературоведы равнодушны к этой работе (счастливо исключение — Л. Тимофеев, И. Розанов). Может быть, занятия советской литературой более беспокойны, и иному кажется, что подходить к этим темам опасно. Но неужели шестипро по накатанному пути — идеал советского литературоведа?

Какие интереснейшие проблемы встанут перед историком советской литературы! Анализ художественного своеобразия крупнейших писателей нашего времени, изучение литературного развития в двадцатые и тридцатые годы, изучение литературы эпохи Великой Отечественной войны, вопрос о традициях и новаторстве, об эволюции жанров современной литературы, о советской классике, о периодизации истории советской литературы, лингвистические проблемы — непочатый край работы!

Печально, что наша литературная критика стоит в стороне от этих вопросов. Если многие историки литературы предпочитают заниматься только стародавними временами, то наши критики рассматривают текущую литературу вне ее исторического развития. Это объясняет критический анализ, который он глубинный и проникновенный, вредит делу науки и критики.

Кстати, это и не в традициях русской критики, которая, как известно, славилась умением оценивать произведения каждого большого писателя в свете эволюции его творчества и предшествующего общего литературного развития. Мы уже не знаем о том, что классики русской критики работали над историей литературы и, в сущности, создали ту историко-литературную концепцию, которая легла в основу нашей науки о литературе. Каждая серьезная критическая статья о современном писателе должна быть кирипном в здании научной истории советской литературы. Как живым, разговор о недостатках изучения советской литературы грозит неминуемо превратиться в разговор о слабости нашей критики. Но это особая тема.

И Г. Гуковский и Б. Эйхенбаум признают, что настало время, когда литературоведы и критики должны, наконец, объединиться для совместной работы. Нам кажется, что изучение советской литературы, создание ее истории может стать поприщем, на котором это сближение произойдет с наибольшим эффектом для литературной науки.

МАЛЕНЬКИЕ МОНОГРАФИИ

Пензенское издательство поставило перед собой задачу осветить роль своего края в жизни и творчестве наших классиков. Решение этой задачи содействует не только интересам литературоведения, но и краеведения. М. И. Калинин писал: «Все мы очень много говорим о воспитании патриотизма. Но ведь это воспитание начинается с углубленного познания своей родины. Следовательно, и по этому соображению надо изучать местную географию. Той же высокой цели содействует и изучение местной, областной литературы. Оба автора рецензируемых книжек подошли совершенно с разных точек зрения к стоящей перед ними задаче. В Мануйлов в книжке, посвященной Лермонтову, не отделил описания жизненного пути поэта от его творческого пути. Основные проблемы, связанные с изучением Лермонтова, в той или иной мере затронуты В. Мануйловым в его книжке, но насыщенный материал очерке. Первая аступительная глава посвящена той роли, которую сыграла поэзия Лермонтова в годы Великой Отечественной войны, когда действительно «стихи» поэта «звучал, как колокол на башне вечевой во дни торжества и бед народных». Приведенные автором отрывки из стихотворений поэта обрели новую жизнь в годы, решавшие судьбы нашей родины. К сожалению, В. Мануйлов среди фактов, характеризующих отношение к Лермонтову защитников советского отечества, не отметил героического партизанского отряда, бывшегося с гитлеровцами на Кавказе, того отряда, который носил имя Лермонтова.

В дальнейшем автор из года в год продолжает анализировать творческий путь русского гения, ставшего жертвой мятежного царствования Николая I. Вольнолюбивый дух Лермонтова, его глубокий патриотизм, его страстное стремление к «единогласию» в борьбе с правдой и справедливостью, привлекательность изобильного материала, выходящего за пределы исторического материала, характеризирующие влияние Лермонтова на национальные литературы народов СССР, а также отзывы о нем А. М. Горького и С. М. Кирова. Приведены также примеры цитирования стихотворений Лермонтова В. И. Лениным.

При предельном сжатии изложения трудно избежать некоторых неясностей. Так, например, характеристика Московского университета на рубеже 20—30-х годов прошлого века, автор пишет: «Преподавание в университете было поставлено плохо». Это слишком категоричное утверждение противоречит действительности. Достаточно отметить лекции профессора М. Г. Павлова. Другой пример: образ бедного чиновника Красинского («Княгиня Лиговская») в трагикомическом включен В. Мануйловым в традицию голговетских чиновников («Петербургские повести»). Между тем как Красинский — это персонаж в трагикомии Горького, а Лиговская — это персонаж в трагикомии Лермонтова, в отличие от робкого Горького и Акакиевича Гоголя, подор Горького и Лермонтова, его личность. Мало сказано также об «общем» «любимом-рисувальничком», в его зарисовках, в особенности его ландшафтах, видел большой талант подлинного живописца. Эти замечания, несомненно, не умаляют большого достоинства книжки В. Мануйлова, чрезвычайно содержательной и умело написанной. Задача показать общественное значение Лермонтова автором разрешена достаточно основательно. Как же обстоит с разрешением другой задачи, как выразена связь Лермонтова с Пензенским краем? В этом отношении хотелось бы встретить в книжке В. Мануйлова больше материала. Можно было бы подробнее описать движение Пугачева близ Тархан, рассказы о котором оставил след в душе Лермонтова и получили отражение в его «Вальде». Следовало бы привести описание Тархан в стихотворении «Как часто вострою толоку окружу» и т. д. Все же автор привел много ценного, характеризующего жизнь Лермонтова в Тархане.

Совершенно иначе вложил В. Нецвева в своей книжке «Иван Иванович Лажечников» к решению задачи, поставленной областным издательством. Общую характеристику этого замечательного представителя жанра исторического романа В. Нецвева ограничила одной, но весьма существенной проблемой. Она оставила в стороне вопрос о месте романа Лажечникова в развитии русского исторического романа, не затронула вопрос о влиянии Вальтера Скотта на русского писателя, воздержалась от анализа художественных образов. В. Нецвева интересуется проблемой, делаящую Лажечникова писателем, близким современному научному читателю. В книжке прослежена тема, объединяющая три романа: «Последний Новик» (1831 г.), «Деляный дом» (1835 г.) и «Барсуки» (1838 г.). Эта тема — создание мучительного русского государа. Таким образом, автор рассматривает романы Лажечникова как своеобразную трилогию.

Книжка В. Нецвевой распадается на две части. В первой дана биография Лажечникова, во второй — характеристика его творчества. Интересен материал, характеризующий романтиста в Отечественную войну 1812 г. Особое внимание уделено в обеих частях книги связям Лажечникова с его земляком В. Белинским.

Достоинством работы В. Нецвевой является использование неопубликованных материалов как Центрального литературного архива, так и Пензенского областного архива.

В. Мануйлов, «Илья Юрьевич Лермонтов». Издательство «Иван Гаврилович». Пенза, 1945 г.

Иллюстрация художника Г. Егеева к книге избранных произведений А. Мицкевича (Детгия).

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

Представим себе монографическую работу о Глинке, в которой об «Иване Суздальце» и «Руланде» было бы сказано белло и поверхностно, но в аналитическую работу о Релине, где столь же торопливо и несобственно было бы сообщено о таких картинах великого художника, как «Бурляки», «Крестный ход в Курской губернии», «Не ждали» и др. Каждый скажет, что подобная «монография» вряд ли возможна. Но вот о писателе такие книжки пишутся и издаются. Примером может служить книга о Гоголе, написанная проф. Н. Володатовым.

О создании «Ревизора» в книжке говорится так: «В это время Гоголь работал над комедией «Ревизор», которая отчасти (?) заменила для него неуспешный замысел «Владимира 3-й степени». Это тоже (?) была комедия с «правдой и злостью». (Подчеркнуто мною. — Н. П.) Дальше на трех страничках рассаживаются о первой постановке «Ревизора» и о том, как реагировали на нее публика и пресса. И это все. О том, что такое «Ревизор», чем знаменита эта комедия, какое было ее общественное значение и какое место занимает она в истории русского театра, — не сказано ни слова.

«Мертвым душам» отведена, правда, отдельная глава, но большая часть ее занята сообщением о цензурных вымарках, которыми подвергались знаменитая поэма при первом ее печатании; о самом же поэме сказано очень мало и во всяком случае, явно недостаточно для того, чтобы читатель мог получить надлежащее представление о ней и об ее общественном и историко-литературном значении.

Из «Вечеров на хуторе» назван лишь «Барсук» или «Вечер накануне Ивана Купала», не упомянуты ни «Сорочинская ярмарка», ни «Ночь перед Рождеством», ни «Майская ночь».

Из петербургских повестей приведена лишь «Шинель», и то мельком, без выяснения значения этой повести, о которой Достоевский говорил, что из нее вышли все последующие русские повести. Так же мелко упомянуты «Старосветские помещики» и «Повесты о старом, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», причем персонажи обеих повестей свалены в одну кучу, как беспомысленные посылки (бедные Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна); «Женитьба», предостерегающая драматургия Островского и до сих пор не сходящая со сцены, в книжке не названа; не упомянуты и «Колыска», которую Лев Толстой считал «лучшим произведением Гоголя» (Гоголь) таланта. Лишь о «Тарасе Бульбе» сказано более или менее обстоятельно.

Как это ни анекдотично, но в этой общей работе о Гоголе, на всем ее 120-страничном протяжении, ни разу не употреблены такие слова, как реализм, критический реализм, натурализм, юмор, сатира, романтизм. Очень слабо использованы выкладки и другие классиков литературной критики, и совсем не определено место, какое занимает Гоголь в истории русской литературы.

Чем же в таком случае, заполнена книжка? А вот чем: довольно подробно говорится о предках и родителях Гоголя; подробно рассказано о неудачной попытке его стать актером; с почти исчерпывающей полнотой изложены все второстепенные и ранние произведения Гоголя, вплоть до оторченных проб пера, от которых уцелели лишь завязки; и непропорционально для небольшой книжки обстоятельно сообщается о заграничных скитаниях Гоголя, о путешествии его по «святым местам», о встречах с русскими и иностранными писателями; довольно подробно говорится о книге «Выбранные места из переписки с друзьями», хотя все ценное, что в ней есть, — обобщено (например, статья «В чем же наконец существо русской поэзии» и в чем ее особенность). Обобщена и «Австрская исповедь».

Никак не раскрыта величия Гоголя, как писателя, проф. Володатов подробно описывает Гоголя-историка, и любознательно, что

ПЭЗЫ

НАРОДНЫЕ БАРААДЫ

глава, в которой он делает это, называется «В расцвете творчества». При этом автор приводит два неожиданных утверждения. Оказывается, Гоголь «с теоретической точки зрения подготовлен не хуже большинства современных или русских и западных историков» и прекратил преподавание в университете только потому, что его «философия истории... была совершенно неприемлема для официальной исторической науки в николаевскую эпоху». «Неосведомленный» читатель может вообразить, что Гоголь был не столько писателем, сколько ученым историком и притом «левого» направления.

Кстати, об этой политической «левизне» Гоголя. Автор правильно делает, что подчеркивает патриотизм Гоголя и его высокую гражданственность, отмечено в книжке и то, что творения Гоголя имели революционизирующее влияние на умы читателей. Изменил Гоголь то, что в нем не было, а именно — субъективную близость его к революционной идеологии. Так, в первой же главе, где речь идет об ученых годах Гоголя, читатель подкасаживает мысль, что события 14 декабря произошли на будущую пятницу чуть ли не такое же действие, какие произвели они, скажем, на Герцена. Там, где рассказывается об итальянских годах Гоголя, делаются прозрачные намеки на близость его к революционному сообществу «Молодая Италия». А затем вдруг — встреча Гоголя с какими-то католическими патерами (на вилле у княгини Зинаиды Волконской), которые загляли за его «ощущения», и в результате бывший «почти революционер» становится мистиком и политическим консервативом. Какое путанное и вульгарно-упрощенное представление внушает читателю о личности великого русского писателя и о его душевной трагедии!

В правильности требует сказать, что в книжке есть десятка два страниц, которые посвящены не быти о «Тарасе Бульбе», о Руси-троечке, о том, как работал Гоголь над своими произведениями (перепирав их до восьми раз), о том, как потрясла его смерть Пушкина и др. Следует признать, что и остальные сто страниц «осведомленного» читателя пробегит не без пользы для себя; он поочередно в них немало дополнительных сведений о Гоголе и о Гоголе. В материалах, какой книжка преимущественно и содержит, наиболее подходящим был бы тот небезспешный жанр, который культивируется с некоторых пор на страницах «Огонька» под рубрикой «Знаете ли вы?». Например: знаете ли вы, что один из предков Гоголя сражался вместе с польским королем Яном Собеским против турок под стенами Вены? — что матери Гоголя, когда была вилле замуж за его отца, была всего 14 лет? — что первым произведением Гоголя была повесть «Братья Гвериславичи»? — что на первом представлении «Ревизора» присутствовал баснописец Крылов? — что Николаю I больше всего понравился в «Ревизоре» помещик Добчинский и Бобчинский? — что однажды на именинах Гоголя был Лермонтов? — что однажды на пароходе Гоголь познакомился с известным французским писателем Сент-Безом? — что на одном из первоначальных эскизов известной картины А. Иванова «Явление Христа народу» можно видеть фигуру Гоголя в шаге грешника? — что набросок Гоголя «Ночи на вилле» посвящен памяти его молодого друга Иосифа Вильдергольца? — что образцом для «Выбранных мест из переписки с друзьями» могла послужить книга Силяво Пеллико «Обязанности человека»? — что Гоголь был знаком с художником Айвазовским? и т. д. и т. п.

Но рецензируемая книга все-таки задумана как популярная монография и включена в серию «Великие русские люди», а потому поток сведений этих и подобных им вопросов резонно перебить одним существенным вопросом, обратив его у упор к проф. Н. Володатову и редактору его книжки В. Сафонову: «А знаете ли вы, что связь право на титул великого человека Гоголь стяжал «Ревизором», «Мертвыми душами», «Шинелью» и еще многими другими своими произведениями, которые давным-давно вошли в золотой фонд русской классической литературы, но о которых в вашей книжке о Гоголе, обращенной к широкой молодежной аудитории, или совсем ничего не говорится или же говорится очень мало?

Проф. Н. Володатов «Николай Васильевич Гоголь», Москва, Издательство «Детгиз», 1945 г. 200 стр., 16 стр. в пер. Редактор В. Сафонов.

Ф. И. Булгаев. Он первый предложил допустить в иллюстрациях древней рукописи неясно выраженную в самом тексте мысль. Живопись приблизилась к литературе и облегчила ученому разрешение его филологических задач.

Но прекрасная традиция не удержалась. Она ушла вглубь и лишь изредка пробывала ценными сравнительными изображениями Гоголя и А. Иванова, Достоевского и Фетта, Редина и Гаршина.

Недавно в программе Наркомпроса была выдвинута задача двинуть вперед изучение в курс русской литературы художников и художников слова. Державина и Левитского, Пушкина и Кипренского, Гоголя и Боклесского, Чехова и Левитана. У нас появился ряд исследований о Некрасове и передвижниках, о Релине и Горьком, о Лермонтове и Врубеле. Метод чуждых снопа совпадает с идеями поэтов: «Неразлучники в России живопись, музыка, проза, поэзия, — писал Александр Блок. — Вместе, они и образуют единый мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальную культуру».

Конкретные факты сравнительного искусствоведения выдвигают на первый план вопросы литературной эстетики. Художественное мирозерцание писателей, определяющее содержание их произведений, является средством, остается неразрывно связанной с литературной наукой. Для решения этой задачи у нас собраны ценные материалы. Мы располагаем прекрасными собраниями высказываний об искусстве великих мыслителей и художников, основоположников марксизма, русских классиков. Но нужны и специальные монографии о поэтике Пушкина, Белинского, Тургенева, Чернышевского, Чехова, Горького. Нужно продолжить традицию «исторической поэтики». Замысел Александра Веселовского о построении истории литературы, как эстетической дисциплины, как истории языковых произведений слова или истории эстетической, сохраняет свою актуальность. Самая стиль его научных исследований остается образцовым. Когда перечитываешь такие статьи Весе-

СТАТЬИ Г. БРОВМАНА И Л. ГРОССМАНА ПЕЧАТАЮТСЯ В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ. Б. СТ. СТ. Г. Г. ГУКОВСКОГО (СЛ. Г. А. № 38) И Б. ЭЙХЕНБАУМА (СЛ. Г. А. № 43).

Обложка и иллюстрации книжки «Шутики» (рисунки Е. Чарушина). Текст Е. Чарушина и Е. Шущкой (Детгия).

Искусство литературоведа

Когда Чехов вспоминал клинические лекции профессора Захарина, ему слышалась музыка. Когда Андрей Белый слушал зоолога Мензбира, ему вспоминался «Вилльоний сад» в Художественном театре. Когда художник Ге посещал чтения историка Костомарова, перед ним возникала живая картина древнего Киева. До такого тончайшего искусства доводили эти ученые глубину своего анализа и пластичность своего изложения.

Если каждой науке свойственно художественное начало, то это сугубо относится к гуманитарным знаниям. Изучение философии, искусства, поэзии достигает своего высшего развития при действительном приобщении ученого к сфере своего исследования. Музыкальные теоретики — всегда музыканты. Величайший философ татарского искусства — актер и режиссер Станиславский. Историко-живописцы не искали художники. И быт может, наслаившаяся особенность русской литературной науки заключаются в том, что ее создавали поэты и романисты.

Кто строил русскую грамматику, стилистику, стиховедение? Наши первые стиховеды. У кого Лермонтов учился русской литературе? У лирика Мерзлякова. Сквозь хронологию и историка прорывалось звучание его элелии. Кто написал на первую историко-литературную монографию? Поэт Вяземский, книгой которого о Фонизине восхищался Пушкин. Кто дал в своих статьях, заметках и письмах цельные обзоры всеобщей и русской словесности? Сам Пушкин, как критический отзыв — ставил теперь обесмысленный том блестящих и острей оценок. Кто первый твор-

чески осветил поэтов пушкинской поры? Алянский — профессор Петербургского университета, но прежде всего писатель — Гоголь. И разве не подлинным поэтом в прозе был Белинский? Не он ли санкционировал художественный метод в изучении литературных явлений? Не отсюда ли пошла традиция наших журналов давать портреты поэтов и картины литературных движений? Кто написал у нас первую статью о Тютчеве? Поэт Некрасов в своем «Современнике». Лучшее исследование о «Горе от ума»? Романчик Гончаров. Философский этюд о Пушкине? Достоевский. Тургенев и Толстой оставили первоклассные критические труды. Поэты-симболисты были замечательными исследователями русской поэзии.

А статьи Горького о литературе легли в основу нашей эпохальной словесной науки. Эти ценные традиции русской классики следует воспомнить в момент осуждения о искусств филологических исканий. Что такое литературоведение? Это прежде всего знание литературы. Как весь цикл гуманитарных наук, наука о литературе начинается там, где собраны материалы охватываются будущей мыслью исследователя, проникаются его восприятием художественного объекта и облекаются языком и волнующим изложением. Отсюда же начинается процесс утверждения, что восприятие знаний аудиторией происходит лишь в атмосфере общего воодушевления, вызванного профессором. Нужна эмоциональная реакция слушателей, соответствующая такому же состоянию изучающего на кафедре. Это в равной мере необходимо и в книге. Научный метод здесь сходен с художественным. Монография о писателе не только анализ и логика, но и влияние искусства. Как в поэме и драме, в ней необходим обильный замысел, стройная композиция, выразительное слово.

Такую выразительность литературной

науки можно проследить по всем ее основным разделам — от жизнеописаний до поэтики. Биография писателя остается важным, хотя и предварительным материалом для его изучения. Значение ее, как крупного литературного жанра, совершенно бесспорно. Традиция ее в русской литературе длительна и глубока. Еще пушкинская эпоха выработала отчетливое представление о биографическом жанре. Выдающийся знаток античной литературы профессор Кошанский учил студентов, что главное достоинство жизнеописания — в умении обрисовать героя яркими чертами и живым словом. А его главный ученик Пушкин требовал от авторов «Жизни Дельвига» живописных подробностей, изложения мнений, анекдотов, разбора стихов». Такого рода творческие задания, очевидно, отразились на «Истории Пугачева» и «Арапе Петра Великого», замечательно раскрыты на материале бурных эпох и сильных личностей глубинно и верно подобной биографической концепции.

Именно ей следовало в своем классическом труде нас «первый пушкинщик» П. В. Анненков. Задача биографа Пушкина он признал художнически восоздать подлинный тип этого поэта, считая, что в своей книге он по ряду условий исполнил еще не достигнутой этой цели. Если великий художественный портрет великого поэта оставался делом будущего, Анненков все же дал его первые выразительные и верные эскизы, согретые теплотой и талантом настоящего артиста-биографа. Он стремился завершить перед читателем нравственный и творческий рост великого писателя на фоне его времени. Обладая глубоким представлением о поэте, четким видением его образа, Анненков вел рассказ о его жизненной судьбе сквозь свои раздумья о творческом призвании и личной драме Пушкина. Соборные им материалы послужили основой для его звучного и тонкого рисунка, краски для которого могли явиться только со временем. Драгоценным для всех исследователей Пушкина оказался основной метод его первого биографа, сумевшего рассмотреть в его поэзии не биографический источник, а вы-

Сергей Есенин

В. ПЕРЦОВ

Поэзия Есенина, грустная и размахистая, немая и озорная, давно нашла свой уголок в душе современного читателя, заключенная в суровых вегах и бурях века.

Многое из того, что мучило Есенина, отшло и кануло в прошлое, а образы, созданные в этих муках, сохранили всю свою пленительность и наполнились новым смыслом. И можно сказать, что новый русский читатель, чувствующий себя законным наследником красоты и правды великой русской литературы, сумел оценить есенинские благородный, страстный порыв к новому.

Обаятели есенинских образов родины, открывший его поэзии все сердце. Русь, страна безбрежного синца, русская равнина с ее неоглядными даями, пропащая потом красотища-травника, — вот родная земля, о которой Есенин всегда говорил с волею тождественной нежности.

Россия русско-представляющая ему в картинах и воспоминаниях родного рызского края. Он мог бы вечно сказать о своем рызском селе то, что Пушкин сказал, шутя:

Нам целый мир чужбина,
Отечество нам Парское село.

В зрелые периоды творчества Есенин хотел, чтобы все стало иначе, и уперся себя за узость своего поэтического кругозора:

Другие юности поют другие песни,
Они, пожалуй, будут интересней —
Уж не село, а вся земля им мать.

Привязанность поэта к родным местам, к их природе в обычных условиях его тяги к «нездешнему».

Если крикнет рать святая:
— Кинь ты Русь, живи в раю!
Я скажу: не надо раю,
Дайте родную Москву.

Есенин рано посетил религиозные сомнения. В детстве у него были резкие периоды: то полтора молчаливая, то необычайное озорство, вплоть до желания кощунствовать и богоулюдствовать. Первые стихи, которые написал Есенин еще в детстве, были духовные. Но и после революции, когда Есенин встал со своей детской религиозностью, называя мотивы своих ранних стихов «протухшими настроениями», он все-таки не мог расстаться со сказочными представлениями религии.

Он славил революцию в образе родины: «Мать моя — родина, я — большевик одушевленном пейзаже родного края самые люди становились, так сказать, «грязями природы» (Тютчев).

О всех успехах грежит копиямания,
С широким месяцем под голубым крылом.

Или:

Темным елям снится
Гомоя косярей.

Характерен здесь для Есенина образ: не косярем снится еля, а елям снится косярей. Живыми были для него каждый колос, каждый сноп:

Режет серп тяжелые колосы,
Как под горло режут людей.

Все его стихи о животных и среди них — «Корова», «Табун», «Лисица». «Песня о собаке» и «Собаке Качалова» — представляют собой шедевры русской лирики. О горе собаки, у которой отняли щенят, Есенин писал, как о человеческом горе. В связи с этими стихами хорошо сказал о Есенине А. М. Горький: «...невозможно подумать, что Сергей Есенин не столько человек, сколько оран, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения непереносимой печали полей, любви ко всему живому в мире и милосердия, которое более всего много — заслужено человеком».

Как к живому существу, относился он к родной природе, так подсаживаясь ему народные поверья и предания. В его стихах воляк был на звездах, и это означало, что небо открыто туманам, дождь был небесным млекозом, а рыжий месяц жеребенком застрял в сани. Есенинская образность питалась русской мифологией, поэтическим возращанием славян на природу, которые встали в пору лица своего, голубей на князье крыльях—знак прियета входящему, цветное узорчое крестьянских полотенец. Свою Русь не хотел Есенин покинуть ради рая.

То была любовь земная «до радости, до боли», порождающая тоску, потому что для любящего, для одержимого всеоглошающей страстью сердца нет меры любви.

Картины русской природы, созданные Есениным, нельзя назвать обычными пейзажами. В них природа и человек помешались, в пруд, столько человеческого, русского, что, полюбив ее, нельзя не полюбить русское человека, нельзя не пережить чувства тоски по тому огромному, что зовут мы родиной. Говорят, что лондонские туманы «открыли» в искусство знаменитый английский живописец, так, можно сказать, русская березка невозможна для нас без Есенина. Тень бе-

резы в воде—знак мира, «глушого счастья», которого жаждет мятенный человек. Рядом с тонкой березкой-девушкой дерзкий ветер чувствует себя опрокром, а лунные лучи хлещут стать требением для ее «костяшек». Эти фантастические образы из детского сказки так близки каждому любящему поэзию сердцу, и кажется, что чем суровой дело, которое творит человек во имя «любви ко всему живому в мире», тем больше они нужны ему.

Странным кажется, что в гуманизме раннего Есенина нет ощущения тревоги за будущее, нет и намека на мечту об изменении жизни. Это тем более удивительно, что Есенин в своем образе Русь, как известно, во многом шел за Луком, всем существом которого, как художника, владею преддательские катастрофы «страшного мира». Эта струна в творчестве Блока оставила Есенина рамодушным, но именно эта струна, в которой по-новому жила в поэзии XX века традиция Некрасова, оказалась созвучна молодому Маяковскому. В творчестве Есенина задрожала другая струна блоковского лирики — от романсовой поэзии Аполлона Григорьева с ее мотивами отчаяния и буйного размета богатой природы, чьи силы не находят себе применения.

Октябрьская социалистическая революция разбудила в Есенине мечту о свободной человеческой жизни. Он горячо принял ре-

С. ЕСЕНИН.
Неопубликованная фотография, хранящаяся в Государственном литературном архиве СССР.

волюцию. Но ее общественный идеал представлялся ему в виде утопического мужского рая, где «люди блаженно и мудро будут хорошо отдыхать под тенистыми ветвями одного прогромающего древа, имя которого социализм». Нужно сказать, что после революции в творчестве Есенина, с одной стороны, усилились религиозные мотивы, а с другой — яростные атаки на религию, подобно тому, как в детстве он перешел от полтора молчаливости к полосу богоулюдной. В «Июнь» — поэме о пастушеском рае — Есенин писал:

Языком выливаю на иконах и
Лики мучеников и святых,
Облекая вам грат Иконою,
Текла жемчужество живых.

Мятенная тоска по свободе и счастью породила его замечательную революционную драматическую поэму «Пугачев». Однако сильнее, чем революционный гнев, слышится в ней боль по поводу неудачи крестьянского восстания.

Боже мой,
Неужели пришла пора...
Неужели под душой так же падешь,
Как под ножом?

А казалось... казалось еще вчера...
Дорогие мои... дорогие... хор-рошо...

В год смерти Ленина поэт повстал над стихотворение, в котором чувствуется ему

Обложки новых книг, выходящих в Детгизе: А. Гайдар «Моя земля», С. Михалков «Быль для детей», Г. Х. Андерсен «Дикие дебри», Жюль Верн «Черная Индия», Г. Х. Андерсен «Стойкий оловянный солдатик», «Коза дерева», Р. Киплинг «Рикки Тикки Тавн» и В. Одесский «Городок в табакере».

Л. СУБОЦКИЙ

ПОБЕДА ВОЛИ

Разговор о повести Б. Леонидова «Третья палата» напечатанной в восьмой книге «Нового мира», имеет не только литературное значение. Скажем в самом начале: автор дал критикам много оснований для упреков. В повести есть погрешности против дорожки литературного вкуса, особенно заметные в характеристике героини повести. Во внешних описаниях героев, в пейзаже словарь писателя бледноват, шаблонен. Внимание читателя иногда отвлекается на мелочи, не имеющие никакого значения, а в описаниях важных сказано скогоровкой.

Но все это — детали и частности, к которым мы еще вернемся. И дело не в этих деталях и частностях, а в том, что Б. Леонидов написал *хорошую*, простую и человеческую повесть. Хорошую не только потому, что тема «актуальна», но и потому, что большие жизненные ядро. Попав в третью палату военного госпиталя, мы проливаем в мир, полный трагических коллизий, физических страданий и душевного надлома. Закрыва книгу, мы покидаем этот мир с чувством горя, удивления и надежды.

Что же происходит в третьей палате провинциального военного госпиталя? В ней как-будто ничего не происходит. На своих койках лежат шестеро раненых, потерявших на войне зрение полностью или частично. Тоскливо и монотонно тянется бальнический день. Для троих — капитана Питомцева, лейтенанта Тимченко, красноармейца Титова — дня, собственно, уже не существует: спят, они живут в непрерывной ночи. Но и трое других — офицеры Егорьев и Добров, красноармейцы Петрусь и потерпевший зрение частично, — не оправившиеся от ран, живут в бездействии, неподвижности.

Томительны неторопливые дни, бесконечны бессонные ночи — да, здесь как будто не происходит ничего, внешне проявления жизни сведены до минимума. Б. Леонидов пишет по линии наименьшего сопротивления — не прибегает к искусственным приемам для усиления внешней динамики

повествования. Даже разговоры, которые при данных обстоятельствах могли бы стать чересчур пространными, в повести не так центральны. Основа ее — внутренний монолог центрального персонажа, капитана Питомцева. Здесь Б. Леонидов обнаруживает хороший литературный такт, живость речи, психологическую убедительность. О Михалков Питомцева рассказано так, что мы чувствуем естественность его замечаний, это создается, если можно так сформулировать, ощущение живого, непрерывного дыхания мысли. А в разговорах с товарищами по палате у Питомцева звучит, своеобразно интонированная, «своя» речь, естественно выражающая сущность его характера.

Большинство оглушенности жизни, монотонная смена дня и ночи — лишь обобщенная внешность. В третьей палате кипит внутренняя напряженная жизнь, происходит борьба, столкновение различных характеров, темпераментов, мироощущений. Сюжетная основа повести — история любви капитана Питомцева и слепого девушки Зои Федоровны, обучающей раненых азбуке для слепых. Но не в любовной истории драматический конфликт «Третьей палаты», не в ней — тема вечера. Думается, что любовная линия повести могла бы отойти на второй план; быть может, повесть стала бы лучше. Зоя Федоровна — мелодраматична, чересчур наивна и сентиментальна, все эпизоды, связанные с ней, рвануты и скачуются.

«Третья палата» — повесть не о любви, а о могуществе душевных сил человека, о незримых подвигах воли, о торжестве жизни. «Ненавижу всяческую меркантильность», «не люблю всяческую меркантильность» — эти строчки Маяковского могли бы служить эпиграфом книги.

Одну из глав повести начинает неточно сформулированный фразой о том, что в третьей палате несчастье не чувствовалось. Это сказано плохо и противоречит всему рассказанному до и после этой фразы. Нет, удивительная атмосфера несчастья ясно чувствуется, она гнетет двадцатилетнего лет-

клошение перед личностью Владимира Ильича, но с обескураживающей искренностью поэт признается —

Застенчивый, протест и млякты,
Он вроде сфиская предел мой,
И не пойму, какую силой
Сумел потрясти он шар земной?

Твердость, закалка революционера, героика подвига и самопожертвования были чужды есенинскому поэзии.

В «Алине Снегиной» — одном из наиболее светлых есенинских творений, есть прекрасная сцена, где поэт отвечает крестьянам на вопрос о новых порядках в деревне:

— Скажи,
Кто такое Ленин?
И тихо ответил:
— Он — ты.

Едва ли не раньше других советских поэтов Есенин побывал за границей. В разлуке с родиной он особенно остро почувствовал свою связь с ней. В одном из писем другу в 1922 году из Европы Есенин восклицает: «Здесь такая тоска, такая бездарица северянина жизни». Возвратившись из Америки в 1923 году, он восторженно описывает чудеса американской индустрии, но свою статью о том, что он видел в людях за рубежом, он озаглавил: «Железный Миргород».

Есенин понимал высокую идейную и нравственную силу советской России. С тем большей душевной болью он говорит о себе:

Я не знаю, что будет со мною,
Может в новую жизнь не гоужусь,
Но и все же хочу стать чужим
Видеть белую, испуганную Русь.

Стихийно сочувствуя новой жизни, Есенин не смог избавиться от болезненного сознания своей неустойчивости в новом мире. В ряде стихов он говорит о себе, как о «последнем поэте деревни», на которую как будто нависает новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города в образе машины. Есенин не понял, что социалистический город не враг, а друг деревни, и не понял этого, Есенин настойчиво заговаривал о своей обреченности, как поэта.

Скорое, скорое часы деревянные
Прокипят мой двенадцатый час.

Стихи его наполнены жалобами на то, что молодость прошла, силы растрачены. Он верит в новую родину, но не верит в себя. Из этого противоречия между общим и личным в его поэзии возникает тема вечной перед родиной, отражавшаяся в цикле стихов «Русь советская». Это противоречие и приводит его к трагическому концу.

У Есенина не было недостатка в «поклонниках», которые беснувшись подыгрывали к его душевной драме, превращая нелегкие стихи в знамя упаднических настроений. Зреющие поэта, ревушего, как раненый зверь о своей тоске по здоровой жизни, «скандалиста», испуганно обжигающего в любом московском переулке свою окровавленную душу, привлекало многих. И не только оно казалось преледательным. Странно подумать, какой злоеший сброд окружал Есенина в последние годы его жизни. Никто не рече Маяковского не провел границы между Есениным и «есенинщиной», не вступился с такой силой за поэта, как кейкин тех, кто хотел спекулировать на его духовной драме.

...У народа,
У азыкотворца
умер
звонкий
забулдыга полмостера.

Есенин был чужд в своих порывах к новому. И если Есенин казался тем, что не дал волею ветра, что мог и хотел дать на своем пути, то в этом сказывался его искренности советский патриотизм. Ничего не могло для него сравниться с любовью к родной земле:

...И тогда,
Когда по всей планете
Пройдет яркая племя,
Исчезнет воля и грусть, —
И буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
О названьем кратким «Русь».

Рисунок М. Ю. Лермонтова: «Дуэль» (из юнкерской тетради); «Бивуак лейб-гвардейского гусарского полка под Красным Селом» (аварель).

Н. МИХАЙЛОВ

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Наконец-то завязалось обсуждение проблемы научно-художественного жанра — распутого, многообещающего. В № 5-6 «Нового мира» напечатана статья Льва Гумилевского «Проблема литературы и науки». Хочется приветствовать писателя за инициативу в спор, за привлечение внимания к теме. Л. Гумилевский прав, считая, что в художественной биографии ученых подробности творчества важнее подробности быта. Но со взглядами Л. Гумилевского на сущность научно-художественного жанра я не могу согласиться.

Перед читателем вырастают контраргументы. С одной стороны, «популяризатор должен быть прежде всего художником», а с другой — «обращаясь к художественному материалу науки, писатель не становится популяризатором».

Зантригованный противоречием читатель с особым вниманием следит за ходом мыслей автора, не без труда приподнимая покровы из плотно сотканых беспорядочных и непроверженных цитат (до 30 ссылок на авторитеты).

Вот вылезает тяжело нагруженная карета научно-художественной литературы. Среди пассажиров всекие ученые—ведь любая наука может быть изложена «так, чтобы стать доступной для всех». Но ученых в общедоступном языке скоро как-то незаметно высаживают; остаются ученые с художественным чутьем—ведь между их произведениями и художественной литературой «нельзя провести строгого различия». Чуть проехали, и этих ученых уже нет, остались одни литераторы. Вот манер цитатки — и из кареты вываливаются писатели детской познавательной литературы, они отнесены к «элементарной популяризации». Теперь в просторной карете можно без помехи заняться тем, что обвлению субъекта научно-художественного жанра — описанием исследованного процесса. Но вдруг на ходу, из-за боязни «беллетристики», ради «точности научных определений», высыпают эпитеты и образы. Через минуту и сама наука летит во — ведь, как говорит Л. Гумилевский, важно не «что» открыто, а «как» открыто, «привлекательна» ли тайна, а процесс ее раскрытия, в биографии Фарадея мы ищем не сведений об электромагнитной индукции, а раскрытия творческой личности... Но — мы спрашиваем — как же можно рассказать о процессе открытия, не раскрывая сути самого открытия? Мы ждем научно-художественного рассказа о развитии науки, а нам предлагают «сокращенные подробности» среди которых разнятся творческий и исследовательский процессы, «страсть ума и сердца», «трагедия и счастье изобретательства». Останавливаем книжку, раскрываем дверцу, заглядываем внутрь, — научно-художественная карета пуста!

Важность и ценность раскрытия психологии и умов научного творчества я сам разумею подчеркнуть. Но суть научно-художественного жанра вижу в другом.

Поэт постигает мир, все многообразие мира — из гад морских подводный ход, и долгие лозы прозябань. Сюда входят не только труд, любовь, борьба, — сюда входит и мир науки — расщепляются атомы, превращаются вещества, клочуют вулканы, фосфорисцируют глубоководные рыбы, по сосудам древесины бегут восходящие соки, зеленые листья улавливают энергию солнца... Вовлечение этого мира в круг художественной литературы и есть задача научно-художественного жанра. Поэт постигает суть вещей не всегда в процессе их открытия ученым. Он сам силой своего таланта — вместе со своим пытливым читателем — открывает этот мир!

Критерий научно-художественного жанра я вижу: во-первых, в научном материале, — безразлично, уже открытым или еще только открываемым. Но при условии художественности — и в этом отличие от нехудожественной популяризации, а не в том, идет ли речь о тайне или о ее раскрытии; во-вторых, в художественности, достигаемой любыми средствами искусства, включая, конечно, и образы. Но при условии научного материала — и в этом, а не в отсутствии образов, отличие от «беллетристики».

Водораздел проходит перпендикулярно к провалочному Л. Гумилевскому.

Свою точку зрения Л. Гумилевский поясняет примером. Пробегну к нему и я с той же целью. В статье упоминается «сборник «Море» в свое время выпущенный в Детгизе. Это книга о жизни моря и его стихах, о техниках, о планете, о митриции рыб, о планете, о сути вещей. Но не то, что сказано, как они были открыты. Охотно сознаю, что это было бы очень интересно и полезно узнать. Однако этого нет. Л. Гумилевский исключает книгу из числа научно-художественных. И подчеркивает свою последовательность — в самом деле замечательную — словами сожаления: «а написана-то она отлично!» Тут меня так и поливаются сказать: я с радостью променял бы все эти теоретические рассуждения о книжке на одну отлично написанную книгу... Если б только такая была. Но, на мой взгляд, «Море», безразличный по материалу, но с сожалением лишь поэтического замысла, примитивно построен, сух по языку. Для научно-художественной литературы смертельно то, что планктона описано скучно и нехудожественно, а не то, что авторы опустили психологические подробности его исследования. А вдруг они рассказали бы об этом сукоными словами, что тогда?

Спор идет не о тонкостях, и тем более не о мелочах. Здесь таятся истоки многих, далеко идущих следствий. Отметчу только три.

Первое. Превращая «подробности творческого процесса» в высший критерий научно-художественного жанра, Л. Гумилевский тем самым по существу сводит этот жанр к художественной биографии ученых. вполне естественно, что область, в которой сам работаешь, может показаться самой важной. Она действительно очень важна и в художественном и в воспитательном отношении. Не будем спорить о значении наших ученых в общей работе. Но я не рискнул бы сказать: «серии книг «Жизнь замечательных людей» появились наши первые опыты обращения к научной и технической теме». Не уснью, чьи «наши» — русские, советские, автора? Научно-художественный жанр — скажем, словами Л. Гумилевского: «художественное исследование — материально — существовал от века. Был, например, Ломоносов...».

В советские годы различными писателями создан ряд хороших научно-художественных книг не в форме биографий. В них средствами искусства раскрывается суть многих вещей в области науки, эти книги о машинах и минералах, о химических веществах и биологических процессах, о перестройке советскими людьми своей страны. Но раз в них нет «подробностей процесса», то это не искусство... Даже М. Ильина Л. Гумилевский не избавляет от перевода из разряда художественной литературы в разряд «элементарной популяризации» и школьной педагогиками.

Итак, опасность номер один: писатели оцениваются не по их достоинствам.

Второе. Л. Гумилевский пишет: «популяризация как искусство, искусство науч-

ного изложения». В каком смысле «искусство»? Искусство как поэзия, как изящная литература, или искусство как опытность, как умение? Здесь — смешение понятий. Популяризация может быть искусством, если автор — поэт, если он пользуется художественным методом, — даже и в том случае, пусть даже желательном, когда раскрывается только научная тайна, а не ее раскрытие. И популяризация может быть искусством — деловой, умелой, интересной, но не имеет непосредственного отношения к искусству. Меня хорошо поймут писатели, пришедшие к научно-художественному жанру не от литературы, а от науки. Они — специалисты, знатоки своего дела, и кроме научно-художественных, поэтических книг им то и дело — приходится писать «спрото» популяризации, содержательные, общедоступные, но без претензий на поэзию. Возьмем, например, талантливого писателя-биолога В. Сафонова. Вы найдете у него и «искусную популяризации» и «популярные — искусство». В первом случае он раскрывает материал науки, во втором — раскрывает поэзию мира науки. Разумеется, провести здесь резкую грань невозможно, одно переходит в другое, и чем даровитее автор, тем скорее в его творчестве ступень сменяет первую.

Вторая опасность номер два: если мы заступаем художественный критерий, то пусть в научно-художественную литературу халтурщиков. Научно-художественная литература есть особый род поэзии, а к поэзии относится то, что относится к поэзии.

Третье. Л. Гумилевский, против образа, не веля образы — бывают разные. Изображение человека в виде танцующих «большеглозых» человечков — тоже образ, но образ внешний, декоративный, не вытекающий из сути вещей. Вместе с Л. Гумилевским мы не любим такие образы. Однако имеются не только декоративные, но и познавательные образы, — а в них-то как раз и заключается суть научно-художественного жанра.

Пушкин: «От финских хладных скал до пламенной Колхиды»...

Герцен: «Смоленск — ключ России»...

Фолькмар: «Москва беспоконьяна»...

Ломоносов: «Звездам числа нет, бездне — дна»...

Это не служебные образы, не внешний прием оживления. Это — образное постижение сути вещей, это — поэтическое ощущение мира в широком смысле слова. Познавательные образы созданы из научного материала, а лучатся светом поэзии. С ними в литературу выплывает удивительная красота самой науки, красота мироздания.

Проблема образа — основная проблема научно-художественного жанра. И мне жаль, что М. Ильин в своей правдивой интересной статье «Образ в познавательной книге» («Искусство» от 13 октября) выступил в защиту образа вообще, не дифференцируя их на удачные и неточные. Вот пример из книги «Голы и люди» самого М. Ильина. «В пустыне туч без дождя, реки без устья, леса без тени» — чудесный познавательный образ, поэтически оощенная суть вещей. «Реки берутся за руки» — очень хороше, но мне кажется, этот образ дальше от сути вещей, он ниже рангом... Так вот, из-за боязни «беллетристики» отказываясь от образов и не различая их, Л. Гумилевский отказывается от познательного образа, а это есть отказ от специфического научно — художественного мышления—вниения. Конечно, познавательный образ — дело трудное: чтобы его создать, надо владеть самой наукой. Проще обратиться к жизнеописанию ученых, к «особой научной» беллетристике.

Итак, опасность номер три: отказ от средства поэтически постичь суть науки. Остается жизнеописание. И демонстративно знаменная «беллетристика» снова тут как тут... Живописание ученых, история открытия могут стать особой формой научно-художественного жанра лишь в том случае, если они художественно раскрывают суть науки.

Следуя за извечной мечтой, Л. Гумилевский вместе с нами ждет «слияния науки и искусства». Он понимает это так: надо довести трагедию и счастье изобретательства и открытий до читателя. Задача, сложная, чрезвычайно важная. Но тайна слияния науки и искусства лежит гораздо глубже. В данном случае дело не в изображении психологии ученого. Пусть будет и это, но главное в другом. Дело в характере восприятия самого автора, а единство его ума и чувства, в сращении понятия и образа в слиянии правды и красоты. Дело в таланте поэтического ощущения мира, как целого.

«НЕПОКОРЕННЫЕ» НА ЭКРАНЕ

В книге Горбатова охватываются события удивительной атмосферы жизни под немецким игом. Но автор с брезгливостью и гневным содроганием торопится обойти картины разнузданности нацистских людоедов. Его внимание приковано к советскому человеку, на время ослепленному во власти фашизма. Его волнует вопрос о крепости моральных основ советской жизни. И чем сильнее проявляются гордость, независимость, несгибаемость в характере человека, тем крепче его верность делу народа, «сражающегося под знаменем Ленина».

Кадр из фильма «Непокоренные». А. Бучма — в роли Тараса (справа) и В. Зускин — в роли доктора.

Страница, тем выше поднята, тем светлее и шире ее горизонты. Незабываема трагедия, пережитая людьми, которых немцы пытались покорить всеми существующими средствами насилия. Но и трагическое отступает перед подлинно героической непокорностью свободного духа, и на его фоне еще величественнее выступает красота советского человека, до последнего вздоха защищающего и свое право быть хозяином жизни, и эту созданную им для себя жизнь, и свое право уважать всех честных людей любой крови и расы. — человека, не желющего, не могущего быть рабом. В этом — смысл новости Горбатова. В этом — ее поэтическая сила и художественная особенность.

«Чувствовать автора, жить его образным миром и в мире его образов, проникнуть в тайну писательского стиля, познать его, подчиниться ему, чтобы на этой основе создать оригинальное, новое произведение искусства — вот высшая задача режиссуры кино. Только таким путем может быть художественно воплощена жизненная и поэтическая идея писателя, и режиссера. Создатель фильма «Непокоренные» М. Донской стремился, очевидно, к такому творческому акту.

Само собой разумеется, что повесть Б. Горбатова претерпела некоторые неизбежные изменения. Но все они — и это очень важно — вызваны исключительно условной, но требовательной ограниченностью киноленты в пространстве и во времени. Сужен только пейзажи, на котором разыгрываются события картины, несколько скат только сюжет повествования Горбатова. Образный же его мир, самое существенное в стиле книги осталось в фильме неурушимым, и поэтому идея его создателей звучит здесь с такой полнотой, с такой волнующей страстностью.

Нам кажется несправедливым и ненужным в фильме назойливое старание механически свести к идейному и стилистическому единству «Тараса Бульбы» и «Непокоренных». Появляясь соблазна, крыющиеся в сходстве имен, в зависимости лексика и ритмика горбатовского повествования от гоголевских поэм. Но, правда, удачно подобранный эпиграф к картине — цитата из «Тараса Бульбы» — верно и логично связывает прошлое и настоящее украинского народа, прошедшего с уметелным, ского народа, будущего с уметелным, чем очень симпатичное, но и нарочитое многообразие чтение гоголевских строк вдумчивому читателю.

В фильме несколько условно вытекают и ходение Степана за «душными неразумными», и поход Тараса за хлебом, и самая встреча отца с сыном. Зритель вряд ли удовлетворит и место, отведенное в фильме Степану, и исполнение этой роли Д. Сагалом. Актер мало заботится о создании характера подпольщика-борца. Можно было бы согласиться с тем, что А. Ватуга рад сомнительного внешнего эффекта изображает старость не «пожилым эффектом с седой бородкой», а каким-то ледяным страстицизм — не то ледяная, не то Соловьев-разбойником. Такого рода претензий можно предъявить к картине не много. Но они приходят на ум позже — после того, как улетело непосредственное волнение, которое то, как ты освободился от южана фашистских злодеяний и остался вдали с благородным Тарасом и его доверенными друзьями, которых хочешь узнать еще больше, еще ближе.

«Каждый человек в городе искал свой путь — для себя и для своей совести», — рассказывает Горбатов. В фильме, кроме Андрея, все уже с самого начала знают

«Непокоренные» — новый художественный фильм производства Киевской киностудии. Авторы сценария — Л. Барн, Б. Горбатов, Т. Гривко, М. Донской. Постановка — М. Донской, режиссеры — Р. Фельдман и Е. Зильберштейн, художники — В. Монастырский. Художник — М. Уманский, композитор — Л. Шварц.

М. ЖИВОВ

В поисках новых путей

«Еженедельная литературная газета «Возрождение», издающаяся в Кракове, проводит среди польских писателей интересную анкету. Газета просит писателей высказаться об отношении к событиям военных лет и событиям, как под влиянием этих событий изменились их художественные интересы, творческие интересы и планы. Газета начекала уже десятка без ответов. Писатели, оставшиеся в оккупированной Польше, рассказывают о виденном и пережитом в эти суровые годы. Их рассказы — вариация на одну и ту же страшную тему, строчки из незавершенной еще трагической повести о страданиях народа, о черной ночи, стоящей над Польшей в течение пяти с половиной лет.

«В течение этих компарных лет польский писатель не был, конечно, и не мог быть писателем», — пишет в своем ответе на анкету поэт Збигнев Бенковский.

Это не значит, что все польские писатели перестали писать. Мы знаем, как широко распространена была подпольная литература, знаем, что выпускались не только газеты, но и художественные альманахи, что в тяжелых условиях оккупации было написано немало художественных произведений. Но в огне фашистского пожара гибли, вместе с домками, библиотеками, рукописями, мечтами, творческие замыслы, творческие силы. Когда пришло освобождение, часть польских писателей очутилась на распутии, потрясенная пережитым, подавленная трудностью оставших перед литературной работой задач.

«Теперь, — продолжает Збигнев Бенковский, — после пятилетнего творческого бездействия вернуться к работе поэта, я не в состоянии освободить мысли и чувства от непрестанных видений того времени. Мир, уже не существующий на земле, в моем сознании столь же конкретен, как несуществующий город, в котором я жил. Это реальность, от которых я не могу уйти».

«Слишком тяжелы были для меня эти страшные дни Польши и Варшавы, чтобы я мог быстро и как ни в чем не бывало перейти к очередным задачам дня», — вторит ему писатель и художник Титус Чивекский. «Тому, кто неоднократно умирал, не легко потом стать живым», — образно выражает

Advertisement for a book. Text: «Скоро в издательстве «Советский писатель» выйдет книга моих новых стихов, названная «Третья книга войны». В ней собраны стихи, написанные после поэмы «Сын». Славим эту рукопись издательству, я остался без единой строчки, с листом белой бумаги и пером в руке. Со временем не легкое и не простое для писателя. На свете не существует такого магического кри...»

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПИСАТЕЛИ ПРИМОРЬЯ

За последние четыре года литературная общественность страны мало знала о работе приморских писателей. На очередном заседании областной комиссии ЦСП Г. Коновалов (Владивосток) познакомил присутствующих с новыми произведениями прозаиков и поэтов Приморья. Близость к Тихоому океану и морскому флоту предопределила тематику большинства произведений. Историю Тихоокеанского военно-морского флота посвящен роман П. Козлова «Красный вымпел». Над повестью о неугомонном исследователе — адмирале Невельском работает А. Мельничин. Книгу морских легенд, рисующих отвагу и находчивость русских моряков, подготовил к печати В. Кучеравенко. Сейчас В. Кучеравенко пишет повесть о Василии Поляковом, добравшемся в XVII в. с экспедицией до Амура. Писатель М. Самуния написал повести «Адмирал Завойков» и «Простые люди». Л. Зайцев пишет произведение, посвященное одному из соединений Тихоокеанского флота. Н. Колбин готовит к печати книгу о С. Лазо. Плодотворно работали в годы войны поэты Г. Халилецкий, В. Медведев, В. Воинов, И. Степанов и погибшие в боях Г. Корешов и А. Артемов. Выступивший затем А. Мельничин (Владивосток) рассказал о вышедшем в Приморском издательстве сборнике стихов «Мой край родной», о романе Солнцева «Предгрозе» и произведениях Г. Коновалова «Богатые наследники».

Обзор 2-й книги альманаха «Советское Приморье» сделала Е. Златова. Опубликованные в альманахе легенды В. Кучеравенко «Вальс под парусами» и «Бронзовая роза», по ее мнению, неудачны. Первая — незатейливый рассказ о мастере жонглирования под парусами, который посылал письма в Москву и даже лекции второй лекции чувствовалось влияние П. Бажова. Но, в отличие от автора уральских сказов, Кучеравенко народным языком не владеет. Гораздо интереснее путевые заметки того же автора об Америке, написанные просто и без претензии на «художественность».

Участники I-й Национальной конференции писателей Болгарии на экскурсии в Рильском монастыре. В первом ряду (слева направо): Н. Фурнаджиев, М. Исаев, Е. Багряна, Стерво Спасе (Албания), К. Константинов (председатель правления Союза писателей Болгарии), А. Яковлев, И. Эрэнбург, В. Гановская, Иво Андрич (Югославия), Д. Габе, Б. Болгар, П. Матеес.

Понимание искусства

Наше мелкобуржуазное, эстетствующее критики все еще распространяют предрассудок о преносковости «чистого», якобы независимого искусства над искусством, которое стремится выразить нечто большее, нежели так называемое чистое видение, над искусством, которое стремится быть человеком широким, и стало быть, социальным в самом широком значении, определяемым правами историей.

Обращаясь к предвоенной польской литературе, Мечислав Яструн, как правдивый человек среди грешников Содома, отсылав произведения, проникнутые подлинной гуманистичностью, в которых действительно воплотилась реальность художественное воплощение. Он называет повести Леона Кручковского «Кордана и Хам» и «Вавилоня перья», произведения старшей польской писательницы Софии Яльковской, новеллы литературной группы «Ожриана», возмущавшейся «Еленой Богущевской и Юрием Корвачиком» стихи Юлиана Тувема. «Однако же», — пишет Мечислав Яструн, — реалистические тенденции характеризуют последний период нашей литературы. Тот предвоенной литературы создавали произведения, представляющие собой странную смесь барокко, чуждую ни в эстетического, ни в идеологического, задушевные как будто бы то и было картину действительности, общественной и просто человеческой.

14 октября в Колонном зале Дома союзов начался «Неделя детской книги». На снимке: Агния Барто беседует с детьми.

В Москве проходит «Неделя детской книги». 17 октября в Колонном зале Дома союзов собралось школьники 8, 9, 10-х классов. Вечер открыл Л. Касильс. — Мы пережили тяжелое время, мы видели страшные для культурных людей картины — горящие книги, Фашисты хотели уничтожить память человечества, величайшее из чудес — книгу. Л. Касильс говорит о великой роли книги в жизни человека, о том, сколько заботы и внимания уделяется в нашей стране созданию детской книги. Он знакомит учащихся с присутствующими на вечера писателями. Школьники тепло встречают сидящих в президиум С. Григорьев, С. Маршак, К. Паустовский, А. Барто, А. Кононова и других. С чтением своих произведений выступили: М. Пришвин, А. Сурков, М. Алягер, А. Барто, В. Инбер, С. Васильев, С. Михалков. В. Каверин рассказал о том, как он писал свой роман «Два капитана», как менялся в процессе работы первоначальный творческий замысел. Приехавший из Лонебурга А. Перенцев рассказывал присутствующим о суде над палачами из гитлеровского концлагеря в Бельзене. В. Фоке Колонного зала организована большая книжная выставка. В текущем году Детизд выпускает второе издание классической книги для детей всех возрастов. На отдельном стенде выставлены сказки для малышей — сказки Пушкина, Андерсена, Ушинского, книжки-игрушки; самодельная настольная елка (стихи С. Маршака, С. Михалкова и других), самодельный книжный шкаф с приложением 16 книжек-малышек.

Над чем работают советские арабисты

Беседа с академиком И. Ю. Крачковским. СССР — небольшую работу под названием «Чехов в арабской литературе». Арабы познакомил с Чеховым еще при его жизни. Форму ранних рассказов Чехова они особенно облюбовали. Небольшие по объему, эти рассказы легко уместились в одном номере газеты или журнала. Занимательная фабула была доступна даже для читателя среднего культурного уровня, а сюжет, непосредственно вошедший в жизнь современного России, был особенно привлекателен для сирийского араба той эпохи, сымателю которого Чехов устроил поездку в Сирию, большую, чем в странах Западной Европы. Чехова переводили на арабский язык и школьные учителя, и врачи, и провинциальные журналисты в периодических изданиях Палестины и особенно Сирии.

Вечер памяти И. Бараташвили. Столетие со дня смерти великого грузинского поэта Николая Бараташвили литературная общественность Москвы отметила на торжественном заседании в Союзе советских писателей. Н. Тихонов во вступительном слове охарактеризовал И. Бараташвили как талантливейшего художника своей эпохи. С докладом о творчестве поэта выступил критик Б. Жгенити.

ПЕРВЫЙ ТОМ «ХОУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДСТВА»

Институт истории искусств, организованный в системе Академии наук СССР, подготовил к печати первый том «Художественного наследства», посвященный И. Е. Репину.

НОВЫЕ КНИГИ

«Второе рождение» — сборник стихов Елены Петровны Пугачевой. В сборнике вошли стихи, посвященные Великой Отечественной войне.

В НЕСКОЛЬКО СПРОС

Исполнилось двадцать лет работы Книжной палаты Грузии. Около 260 тысяч печатных произведений на грузинском, русском, армянском и других языках обработала за 20 лет Книжная палата. В дни войны опубликованы первый том капитального труда «Грузинская книга», куда вошли издания около 6000 книг, выпущенных за последние 20 лет в Грузии.